

Драма неприкаянной души

Фридрих Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года в Рёккене (недалеко от Лейпцига, провинция Саксония, которая тогда входила в состав Пруссии).

Родился он в глубоко религиозной семье — его дед, отец и дядя были лютеранскими пасторами, а назван он был в честь короля Фридриха Вильгельма IV, день рождения которого совпал с его днем рождения.

Мальчик получил очень религиозное воспитание. Он был серьезным и уравновешенным, мало участвовал в детских играх и сторонился незнакомых людей. В 1849 году, после смерти отца (тот упал с лестницы, сильно ударился головой о каменные ступени и умер после целого года изнурительных страданий), семья переехала в Наумбург, где маленький Фридрих Вильгельм поступил в гимназию. А с 1858 года он уже учился в знаменитой школе Пфорта, что под Наумбургом. Там все давалось ему легко, хотя из-за своей невероятной тщательности он и засиживался над учебниками до полуночи.

С 1862 года Ницше начал мучиться регулярными головными болями, а в середине октября того же года покинул Наумбург и отправился в Боннский университет, где поступил на филологический факультет. С 1865 года он продолжил обучение в Лейпциге, куда последовал за своим учителем — профессором филологии Фридрихом Ричлем.

С 1869 по 1879 гг. Ницше уже сам был профессором Базельского университета по отделению классической филологии. А докторскую степень ему присудили без защиты — на основании статей, опубликованных в «Рейнском научном журнале».

Перед переездом в Швейцарию Ницше освободился от прусского подданства: отныне и впредь он жил вообще без гражданства.

Еще в Бонне он постоянно разрывался между филологией, теологией и музыкой, не решаясь остановиться на чем-нибудь одном. И именно в это время в одном из книжных магазинов он случайно увидел издание неизвестного ему до того времени автора. Это была книга «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра. Ницше стал перелистывать ее и... «Не знаю, — написал он потом, — какой демон шепнул мне, чтобы я купил эту книгу. Придя домой, я с жадностью раскрыл ее,

весь отдавшись во власть энергичного, мрачного, но гениального автора».

Ницше поразили глубина идей и сарказм Шопенгауэра, его тонкий вкус и широкий размах. Его потрясло презрение философа к людям, к их мелочным заботам и корыстным интересам. Молодой ученый пришел к мысли о том, что человек сильно зависит от условий своего существования, и это его сближает с животным.

Ницше казалось, что этот гений обращался к нему одному. И он безоговорочно принял мрачный шопенгауэровский мир. Он был очарован мудростью и могучей энергией философа. В апреле 1866 года Ницше написал: «Три вещи в мире способны успокоить меня, но это редкие утешения: мой Шопенгауэр, Шуман и одинокие прогулки». Он стал называть Шопенгауэра своим отцом и говорил о нем так: «Это самый истинный из всех философов. В нем нет никакой притворной чувствительности; душа его преисполнена смелостью, а это главная добродетель вождя». В одной из записных книжек Ницше того времени можно найти такую запись: «Век Шопенгауэра заключает в себе здоровый, проникнутый идеалом пессимизм, серьезную, мужественную силу, вкус ко всему простому и здоровому. Шопенгауэр — это философ воскresшего классицизма, германского эллинизма».

Влияние, которое имел на Ницше Шопенгауэр, было обусловлено двумя главными качествами этого философа: его честностью и его постоянством. Он был честен, так как, не заботясь о внешнем успехе, в своих работах обращался только к самому себе; он был постоянен, потому что такова его природа. Шопенгауэр искал в философии не самоуспокоения, а истины. Как отмечает русский философ и публицист князь Е.Н. Трубецкой, «в нем правдолюбие взяло верх над животным стремлением к счастью. Поставивши вопрос о цели и смысле существования, тот философский вопрос, который Ницше справедливо считал центральным, он не побоялся разрешить его в отрицательном смысле и разрушить иллюзию счастья». Именно поэтому Ницше нашел в Шопенгауэре величайший тип философа, не пугающегося никаких выводов.

А 8 ноября 1868 года произошло еще одно знаменательное событие в жизни Ницше — он познакомился со знаменитым композитором Рихардом Вагнером. Ницше был восхищен этой первой поистине гениальной творческой личностью, встреченной им на жизненном пути. Но его пленила не шумная слава

Драма неприкаянной души

Вагнера, а мятежный дух и подлинно независимое миропонимание. Ницше казалось, что Вагнеру удалось переложить на музыку философскую систему Шопенгауэра.

А в 1870 году, во время Франко-прусской войны, Ницше решил отправиться на фронт, но нейтральная Швейцария разрешила ему стать лишь санитаром. Сопровождая транспорт раненых в Карлсруэ, Ницше заразился дизентерией и дифтеритом, провел неделю в Эрлангенском госпитале, находясь между жизнью и смертью. Война надломила духовное и физическое здоровье молодого человека: с тех пор к нему уже никогда не возвращались ни спокойный сон, ни уравновешенное настроение.

Последующие годы Ницше жил главным образом в Швейцарии и в Италии. Под влиянием мыслей Шопенгауэра и эстетических идей Вагнера он перешел от занятий классической филологией к философии. При этом его продолжали мучить сильные головные боли. «Несколько раз спасенный от смерти у самого ее порога и преследуемый страшными страданиями — так я живу изо дня в день; каждый день имеет свою историю болезни», — так он сам описывал в письме к другу страдания, которые испытывал на протяжении многих лет.

Из-за болезни Ницше вынужден был оставить преподавание в университете.

Зиму 1876–1877 гг. Ницше провел в мягком климате Сорренто, где жил в обществе нескольких друзей: из Рима приехала его давняя приятельница Мальвида фон Мейзенбух (автор известных «Мемуаров идеалистки»); из Восточной Пруссии прибыл доктор Пауль Рэ, с которым Ницше связала крепкая дружба.

Увы, пребывание на юге не облегчило его мук. С начала 1879 года каждодневные приступы болезни Ницше сопровождалась непрерывной рвотой. Он недолго и безуспешно лечился в Женеве. После оставления профессорской должности в Базельском университете по состоянию здоровья Ницше назначили ежегодную пенсию в 3000 франков. Он вел отшельническую жизнь в Италии и в Швейцарских Альпах, в Энгадине, в маленькой деревушке Сильс-Мария.

12 ноября 1887 года Ницше написал своему другу Францу Овербеку: «Мне кажется, что для меня замкнулась своего рода эпоха; обратный просмотр был бы как нельзя более уместен. Десятилетие болезни, больше чем десятилетие, и не просто болезни, от которой существовали бы врачи и лекарства. Знает ли, собственно, кто-либо, что сделало меня больным? Что го-

дами держало меня возле смерти в жажде смерти? Не думаю. Если исключить Вагнера, то никто еще не шел мне навстречу с тысячной долей страсти и страдания, чтобы найти со мною “общий язык”; так был я уже ребенком один, я и сегодня еще один, в свои 44 года. Это ужасное десятилетие, оставшееся за мною, вдоволь дало мне отведать, что значит быть в такой степени одиноким, уединенным: что значит одиночество страдающего, который лишен всякого средства хотя бы сопротивляться, хотя бы “защищать себя”. Круг чтения: Монтень, письма Галиани к мадам д’Эпине, дневник Гонкуров. Выход в свет “Тенеалогии морали”. И, как всегда, музыка, музыка, музыка... Меня раздражает все, что нельзя выразить музыкой».

В 1888 году, уже охваченный безумием, Ницше пытался создать историю своей жизни. Не вышло. И 11 августа того же года он написал своему другу и поверенному в издательских делах Генриху Кёзелицу, взявшему псевдоним Петер Гаст: «Может быть, я зашел слишком далеко — не в содержании, а в манере выражаться?» А Мальвиде фон Мейзенбух он признался: «Иногда для того чтобы стать бессмертным, надо заплатить ценою целой жизни! <...> Старый соблазнитель Вагнер, хотя и мертвый, продолжает похищать у меня тех людей, до которых могли бы достигнуть мои творения». И еще из письма к ней: «Для того чтобы выносить мои произведения, надо иметь великую душу. Я очень счастлив, что восстановил против себя все слабое и добродетельное».

С этого момента наступил перелом в философском миропонимании Ницше. Он разочаровался в Вагнере и почувствовал отвращение к Шопенгауэру, который до того был главным его учителем в философии. Дело в том, что учение Шопенгауэра не могло дать ответа на вопрос о смысле жизни индивида, то есть именно на тот вопрос, который с самого начала был для Ницше центральным. Философия Ницше была безоглядной проповедью человеческого эгоизма, он искал в ней прежде всего оправдание индивида, а с точки зрения Шопенгауэра, все индивидуальное вообще и всякий процесс есть пустота, есть ложь, есть нечто, подлежащее упразднению. А вот основной упрек Ницше к музыке Вагнера сводился к следующему: это «искусство, которое отрицает гармонию существования и видит ее за пределами мира», где все существующее сливается в безразличное единство и где нет места для разнообразия индивидуальных существ.

Постепенно все ученики покинули Ницше, а немецкие филологи объявили его «человеком, умершим для науки».

Драма неприкаянной души

А 3 января 1889 года последовал апоплексический удар прямо на улице. За ним — окончательное затмение. Обеспокоенный этим Овербек проконсультировался с психиатрами и доставил Ницше в Базель. Там 10 января больного поместили в психиатрическую клинику. Диагноз: «Paralysis progressiva» (прогрессирующий паралич). 17 января мать отвезла больного сына в психиатрическую клинику Йенского университета. Безумие Ницше было несомненно, однако природа этого до сих пор остается загадкой.

Некоторые считают, что его жестокий душевный недуг — это Божественная кара за непокорность мысли и гордыню. В журнале «Вопросы философии и психологии» за 1892 год так и было заявлено: «Какой великий и поучительный пример представляет судьба этого несчастного гордеца, попавшего в дом умалишенных... Истинный ужас наводит это великое и заслуженное наказание злополучного безбожника, вообразившего себя Богом».

20 апреля 1897 года мать Ницше умерла, а незадолго до этого сестра перевезла больного брата в Веймар. Там Ницше и скончался 25 августа 1900 года. Ему было всего 55 лет.

За год до этого Петер Гаст начал издание полного собрания сочинений Ницше.

Писать Ницше мог только в промежутках между приступами болезни, однако написал он немало. Его основными произведениями стали книги «Несвоевременные размышления», «О пользе и вреде истории для жизни», «Шопенгауэр как воспитатель», «Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали», «Казус Вагнер», «Сумерки идолов, или Как философы стучат молотом», «Антихрист. Проклятие христианству», «Ессе Номо. Как становятся сами собою», «Воля к власти» и др.

Работы Ницше делятся на две группы, что в целом соответствует двум этапам развития видений их автора. Первая группа включает в себя ранние работы, посвященные проблемам предназначения человека и написанные под воздействием Шопенгауэра. Во второй группе заметен отказ от идей Шопенгауэра в пользу «переоценки всех ценностей». В этих работах излагается философская концепция уже самого Ницше: центральное место там занимают понятия «воля к власти» и «сверхчеловек».

Соответственно, в философской деятельности Ницше различаются два ясно очерченных периода, причем гранью между этими двумя периодами служит 1876 год, когда Ницше окончательно разочаровался в Шопенгауэре и Вагнере. И второй пери-

од стал собственно ницшеанским («периодом заратустризма», по выражению Петера Гаста). Он знаменовал собой коренной перелом в его мировоззрении, и в нем произошел переход от метафизики Шопенгауэра к позитивизму, то есть к принципиальному отрицанию всякой метафизики.

Следует отметить, что идеи Ницше оказали очень большое влияние на современную философию. Пожалуй, ни одного автора не цитировали так часто, как Ницше (его стиль чрезвычайно афористичен). Многие страницы работ и даже целые книги Мартина Хайдеггера, Николая Бердяева, Семена Франка и других выдающихся философов посвящены анализу его наследия, полемике с ним, пронизаны неприятием его идей или преклонением перед ними.

Так, Бердяев в своей работе «Смысл творчества» писал: «Ницше — предтеча новой религиозной антропологии. Через Ницше новое человечество переходит от безбожного гуманизма к гуманизму Божественному, к антропологии христианской. Ницше — инстинктивный... пророк религиозного возрождения Запада. Ненависть Заратустры к последнему человеку, изобретшему счастье, есть священная ненависть к унижительной лжи гуманизма. Заратустра проповедует творчество, а не счастье, он зовет к подъему на горы, а не к блаженству на равнине. Гуманизм — равнина, гуманизм не выносит гор. Ницше почувал, как никто еще и никогда на протяжении всей истории, творческое призвание человека, которого не создала ни антропология святоотеческая, ни антропология гуманистическая. Он проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих. Муку Ницше мы должны разделить, она насквозь религиозна».

Деятели русского символизма Вячеслав Иванов и Дмитрий Мережковский обратились к творчеству Ницше как к мировоззрению, в основе которого лежит вера в абсолютные ценности духа, в нем видели предвестника новой культуры, создателя нового типа человека — свободного, гордого, смелого и талантливого.

«Молодые представители символизма отождествляли себя с Заратустрой, искренне пытаясь играть его роль пророка, мятежника и бунтовщика против ценностей старой культуры. Провозглашая художника сверхчеловеком, они видели долг творческой личности в свободном от авторитетов выражении себя, своего отношения к миру», — пишет Юлия Синеокая, исследователь творчества философа.

Драма неприкаянной души

Сверхчеловек Ницше воспринимался не как разрушитель культуры и веры, а напротив, как хранитель идеалов и духовных ценностей, доступных индивиду (личности), но не обществу в целом.

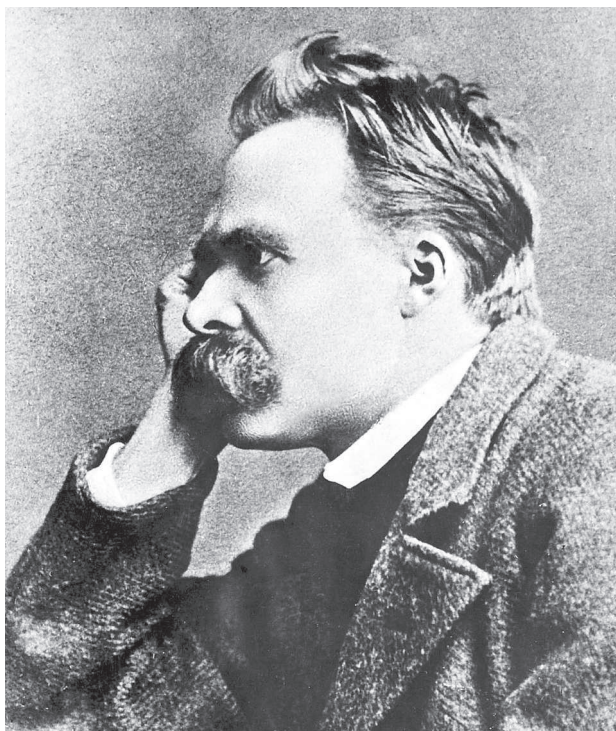
«Глубина духовной культуры Ницше и многообразие содержания его идей давали возможность подходить к нему с разных сторон, понимать и ценить его с самых различных точек зрения», — отмечал Семен Франк в работе «Фридрих Ницше и этика любви к дальнему».

Немецкий философ Алоиз Риль видел в Ницше «философа культуры», а Георг Зиммель считал его родоначальником этики «благородства». Однако ни то, ни другое определение — не говоря уже о множестве прочих, менее удачных — не раскрывают нравственный облик Ницше, и вполне допустимы совершенно иные его характеристики.

Например, немецкий философ Ганс Файхингер писал о нем так: «С одной стороны, учение Ницше разрушительно и в руках неосторожных и незрелых может действовать как умственный и нравственный динамит. Но с другой стороны, оно может вывести нас из “догматической дремоты” и принудить пересмотреть и заново обосновать наши интеллектуальные и моральные ценности... Одни осудят это учение, другие станут восхвалять, третьи частью примут его, частью отвергнут. Но все согласятся, что это учение — заслуживающий внимания и важный фермент времени. Мы сказали бы слишком мало, если бы признали просто, что оно “будит” нашу мысль. Оно не только будит, но и заставляет задуматься».

Князь Е.Н. Трубецкой в критическом очерке «Философия Ницше» утверждал, что Ницше ниспровергал «идолов» современного человечества и разрушал «его капища», то есть святыни, а на их развалинах хотел «воздвигнуть новую святыню».

Вообще в России на рубеже XIX–XX веков популярность Ницше была очень высокой. Пожалуй, максимальной. Связано это было с тем, что в это время в стране имел место кризис ценностей. Традиционные идеалы и ориентиры русской интеллигенции тогда потускнели и начинался поиск нового. При этом марксизм только еще завоевывал себе сторонников, а идеология народничества уже практически дискредитировала себя. Таким образом, Россия оказалась в идеологическом вакууме, и тут именно Ницше помог русским интеллектуалам обрести свободу духа.

Фридрих Ницше

А вот в начале 20-х годов XX века труды Ницше были изъяты из «интеллектуального оборота». В Советском Союзе сочинения Ницше не издавались: считалось, что его идеи использовали для создания своей идеологии фашисты. И только с началом горбачевской перестройки Ницше перестал быть *persona non grata*.

«Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (*Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister*) — это философская работа Ницше, которую он начал в Сорренто (Италия), куда переехал осенью 1876 года, прекратив по состоянию здоровья преподавание в университете. Первоначально книга вышла в двух томах. Первый появился в мае 1878 года в издательстве Эрнста Шмайцнера в Хемнице. На главном листе стоял подзаголовок: «Памяти Вольтера. Посвяща-

Драма неприкаянной души

ется столетней годовщине со дня его смерти 30 мая 1778 года». Работа эта произвела впечатление разорвавшейся бомбы, вызвав очень бурный резонанс. Например, Рихард Вагнер весьма агрессивно выступил против нее, что поссорило Ницше с композитором и его артистическим окружением. А вот швейцарский профессор Якоб Буркхардт поддержал работу, назвав «державной книгой» и «книгой, увеличившей независимость в мире».

Сам Ницше написал о своей работе так: «Возникновение этой книги относится к неделям первых байройтских фестшпилей [фестивалей]; глубокая отчужденность от всего, что меня там окружало, есть одно из условий ее возникновения <...> В Клингенбрунне, глубоко затерянном в лесах Богемии, носил я в себе, как болезнь, свою меланхолию и презрение к немцам и вписывал время от времени в свою записную книжку под общим названием “Сонник” тезисы, сплошные жесткие psychologica».

Эта книга стала переломной в философии Ницше. Налицо был явный разрыв с прежними ценностями: метафизикой, Вагнером и т.д. В этой книге Ницше впервые обрушился с критикой на современное ему общество, выступил как нигилист и аморалист. Он, по его собственным словам, решительно восстал против идеализма и всяческого мошенничества высшего порядка. Это было связано с его знакомством с философом-позитивистом и психологом Паулем Рэ (они вместе приехали в Сорренто). Тот подарил Ницше свою книгу «Происхождение моральных чувств», и она сыграла важную роль в трансформации ницшеанского мировоззрения. Не случайно «злые языки» назвали этот перелом «беспощадным реализмом».

В критическом очерке «Философия Ницше» Евгений Трубецкой писал, что книга «Человеческое, слишком человеческое» «проникнута скептическим отношением к разуму; именно здесь пространно развивается тема о нелогичности всей нашей жизни, о неспособности нашего разума к познанию, вследствие чего, строго говоря, нам следовало бы воздерживаться от всяких суждений. В этой же книге бессилие человеческого разума объясняется тем, что он является орудием нашей воли, наших страстей».

«Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen) — это центральная по своему значению работа Ницше, философский роман, начавший издаваться в 1883 году. Первоначально книга состояла из

трех частей, написанных, по сути, в удивительно короткие сроки (фактически чистое время создания первых трех частей заняло не больше месяца). Ницше хотел написать еще три части, но закончил только одну — четвертую (она была закончена в феврале 1885 года). Временами он сожалел об этом, а порой заявлял: «С этих пор я буду говорить, а не Заратустра». В любом случае, произведение так и осталось неоконченным. А после смерти Ницше все четыре части были опубликованы в одном томе.

В книге говорится о судьбе и учении некоего бродячего философа, носящего имя Заратустра — в честь древнеперсидского пророка Заратуштры. Он уверен, что несет в себе знание о новом звене в эволюции человека, что человек — это промежуточная ступень в превращении обезьяны в сверхчеловека. Фактически, через серию мастерски нарисованных Ницше житейских сцен и якобы рассказанных Заратустрой притч, автор выступает как провозвестник Сверхчеловека Будущего, который должен стать логической «заменой» *homo sapiens*. При этом образ сверхчеловека-творца, обладающего могущественной волей, у Заратустры постоянно уточняется и приобретает все новые и новые краски.

Книга представляет собой отчасти поэтический, отчасти философский трактат (Ницше словно балансирует на грани между философией, прозой и поэзией), раскрывающий позицию самого мыслителя относительно того, как человек может возвысить свой внутренний мир, стать его творцом и воспитать самого себя. В книге восхваляется идея необходимости всегда и во всем идти своим путем.

Автор стремился противопоставить ее Библии как воплощению отжившей свое христианской морали.

Про это произведение Ницше писал: «Мою книгу бегло просят, и это будет предметом для разговора. Подобная перспектива внушает мне отвращение. Кто достаточно серьезен, чтобы понять меня? Если бы я имел авторитет старого Вагнера, дела мои обстояли бы в наилучшем виде, но теперь никто не может уберечь меня от того, что я попадусь в руки “gens de lettres”¹. К черту!»

Оценки этой «ницшевской Библии» были самыми разными. Например, русский религиозный мыслитель С.Л. Франк писал о ней так: «Зимой 1901–1902 гг. мне случайно попала в руки книга Ницше “Так говорил Заратустра”. Я был потрясен не учением Ницше, а атмосферой глубины духовной жизни, духовного боре-

¹ Литераторы, люди, профессионально занимающиеся литературой (*фр.*).

Драма неприкаянной души

ния, которой веяло от этой книги». А вот Л.Н. Толстой в декабре 1900 года возмущался книгой и ее автором: «Он был совершенно сумасшедший, когда писал, и сумасшедший не в метафорическом смысле, а в прямом, самом точном: бессвязность, перескакивание с одной мысли на другую, сравнение без указаний того, что сравнивается, начала мыслей без конца, перепрыгивание с одной мысли на другую по контрасту или созвучию, и все на фоне пункта сумасшествия — *idee fixe* о том, что, отрицая все высшие основы человеческой жизни и мысли, он доказывает свою сверхчеловеческую гениальность. Каково же общество, если такой сумасшедший, и злой сумасшедший, признается учителем?»

Немецкий философ Мартин Хайдеггер в своем докладе, прочитанном 8 мая 1953 года в Бремене, сказал: «Ницше сопроводил эту книгу подзаголовком. Он гласит: “Книга для всех и ни для кого”. “Для всех” — это не значит, конечно, для всякого первого встречного. “Для всех” — это подразумевает: для каждого человека как человека, для каждого в отдельности и постольку, поскольку он становится значимым в своей сути; “...и ни для кого”, этим сказано: ни для кого из отовсюду занесенных любопытствующих зевак, которые упиваются лишь отдельными отрывками и необычной искрометностью этой книги... Как зловеще подтвердил свою правильность подзаголовок этого произведения за семьдесят лет после своего появления, но как раз в обратном смысле. Она стала книгой для всякого, но до сих пор не объявился ни один мыслящий, кто оказался бы на высоте основной мысли этой книги и смог бы измерить всю весомость ее прихода и происхождения».

Ницше писал своему издателю Эрнсту Шмейцнеру: «Сегодня у меня есть к вам дело; я сделал решительный шаг, и вы можете им воспользоваться. Дело идет о маленькой работе, не более ста страниц; она называется “Так говорил Заратустра, книга для всех и ни для кого”. Это или поэзия, или пятое евангелие, или еще что-нибудь другое, что не имеет названия; это самое серьезное, самое удачное из моих многих произведений и приемлемое для всех».

Рукопись произведения «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (*Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft*) была закончена зимой 1885–1886 гг. Первоначально Ницше хотел издать ее в лейпцигском издательстве Германа Креднера, однако ему там ответили отказом. После этого он обратился в берлинское издательство Карла